

УДК 94(47)+ 94(436).08; ББК 63.3(2)522+ 63.3(0)5; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2024.203>

В. А. Кретов

ИМПЕРСКИЕ ВЛАСТИ И ПОЛЬСКИЕ ПОВСТАНЦЫ В БОРЬБЕ ЗА ЛОЯЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯН В АВСТРИИ И РОССИИ В XIX ВЕКЕ*

В ответ на польское восстание 1863–1864 гг. Петербург инициировал проведение в Царстве Польском ряда реформ, объединенных идеей опоры на простой народ в противовес шляхте и католическому духовенству, выказавшим нелояльность. В 1864–1866 гг. под руководством Н. А. Милютина там была осуществлена крестьянская реформа, проводилась политика наступления на права католической церкви, а также были изменены структура администрации, система образования и местное законодательство.

В польской историографии сложилось представление о программе реформ Николая Милютина в Царстве Польском как о масштабном проекте «социальной и культурной инженерии», «социологическом эксперименте» с целью изменения польской национальной идентичности, оформившемся под влиянием и с участием славянофильских кругов в коллективистском духе¹. В частности, Х. Глембоцкий отмечает, что реформы Н. А. Милютина представляли собой целостную программу, отличавшуюся от обычного союза с крестьянством. Он указывает на утопический характер изначальной программы Милютина, приобретающей практический характер под влиянием его представлений о русской национальной идее и интересах империи. Ученый также подчеркивает схожесть понимания польского вопроса в славянофильстве и социализме А. И. Герцена и Н. П. Огарева и влияние этих идей на милютинский круг².

* Статья написана в рамках гранта РНФ, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: Пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

¹ *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 2000. S. 225–258; *Jedlicki J.* Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji. Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w. Warszawa, 1964. S. 222–223; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000.

² *Głębocki H.* Fatalna sprawa... S. 483–484, 491–493, 514–521.

Такое сближение социалистов и реформаторов, занимавшихся разрушением исторической, «шляхетской», Польши, не лишено оснований и прослеживается в источниках. В документах эпохи встречаются обвинения русских чиновников из среды разночинцев, занимавшихся преобразованиями в Северо-Западном крае и Царстве Польском, в «коммунизме» и симпатиях к социальной революции³.

Как представляется, такой взгляд несколько искажает понимание политики Н. А. Милютина в Царстве. Для лучшего понимания ее характера следует рассмотреть события 1846 и 1848 гг. в Австрийской империи, которые повлияли на решения, принимаемые имперскими властями и повстанцами в 1863–1864 гг. Компоративный анализ процессов инструментализации крестьянской лояльности в соседних империях может пролить свет на процесс трансфера австрийского опыта в России в 1860-е гг. Это позволит установить характер проблем и дискурсов, связанных с удержанием власти на окраинах двух империй.

События в Галиции 1846 и 1848 годов

В феврале–марте 1846 г. готовившееся в Вольном городе Кракове и соседней Галиции польское восстание было сорвано волнениями среди крестьян. В ряде мест Западной Галиции, прежде всего в окрестностях Тарнува, крестьяне католического исповедания устроили нападения на помещичьи усадьбы, сопровождавшиеся грабежом и жестокими расправами с семьями помещиков и их арендаторами. Жертвами крестьянского бунта стало более тысячи человек. Волнения были осознанно спровоцированы австрийскими чиновниками, которые призвали крестьян защищать императора.

Безусловно, главную роль в этих событиях сыграли крайне напряженные отношения между помещиками и крестьянами. Такими их увидел еще Иосиф II, посетивший только что присоединенный к империи край в 1773 г. В ходе иозефинских реформ 1780-х гг. было формально отменено крепостное право и введены ограничения повинностей, отбываемых в пользу помещика. Но, несмотря на некоторое улучшение жизни земледельцев, ситуация в крае кардинальным образом не изменилась. Крестьяне были по-прежнему лишены надежды на справедливую защиту своих интересов в судах. Отказ содействовать открытию новых начальных школ мотивировался в Галицийском сейме в 1840 г. опасением, что выученные грамоте крестьяне будут писать больше жалоб на своих господ в местную австрийскую администрацию. О степени напряженности межклассовых противоречий свидетельствует и дегуманизирующая риторика. Помещики на заседаниях сейма сравнивали крестьян со зверями. В крестьянских поговорках напротив «настоящим человеком» считался только земледелец⁴.

Другим важнейшим фактором была дискурсивная политика Габсбургов, направленная на ориентализацию пространства бывшей Речи Посполитой и призванная

³ В частности, см.: Выписка из письма, полученного из Северо-Западного края // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2а. Д. 434. Л. 7. — В докладе Александру II 7 (19) мая 1866 г. глава III отделения, П. А. Шувалов, писал, что на Н. А. Милютина указывают как «на представителя так называемых *idées de nivellement*» (*фр.* уравнивательные идеи) (Доклады Александру II. 1866 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 610. К. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴ *Struve K. Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2005. S. 77.*

подчеркнуть цивилизаторскую миссию монархии. Как показал американский историк Л. Вульф, ее корни уходят в дискурс эпохи Просвещения, когда западными философами была выдвинута идея Восточной Европы. Иосиф II в 1773 г. писал брату по прибытии во Львов, что он оказался «среди сарматов»⁵. Реформы Иосифа II 1780-х годов сопровождались в Галиции выходом литературных произведений, изображавших в качестве варваров главным образом польскую шляхту. Вымышленные картины жестоких убийств крестьян и евреев, совершаемых по прихоти и ради забавы панов, гиперболизированные изображения отсутствия манер и понятий о личной гигиене среди шляхты и духовенства сочетались с описанием крестьян и евреев как благородных дикарей, в чей жестокий и несправедливый мир попадали австрийские «робинзоны»⁶. Этот цивилизаторский дискурс, остававшийся актуальным на протяжении всей первой половины XIX в., подразумевал, что австрийские чиновники выступают защитниками интересов крестьян перед помещиками. Его эффективность в развитии крестьянской лояльности объясняется тем, что помимо апелляции к традиционной вере крестьян в доброго монарха, он опирался на память о конкретных мерах Марии Терезии и Иосифа II, которые привели к улучшению их положения⁷.

Повстанцы надеялись на поддержку крестьян, революционная программа предполагала их освобождение и наделение землей. Однако пропаганда среди крестьян, развернутая по инициативе Эдварда Дембовского, одного из предводителей радикального крыла, осенью 1845 г. была свернута. Дабы не оттолкнуть шляхту угрозой «коммунистического» бунта, подготовка восстания впоследствии велась втайне от крестьян⁸. Провозглашенные панами лозунги национального и социального освобождения не нашли понимания среди крестьян, не привыкших ждать ничего хорошего от своих господ. В то же время немецкий историк К. Штруве отмечает, что привычный для австрийских чиновников тезис о «*kaisertreu*» (нем. «верных императору») крестьянах несколько упрощает действительность, так как крестьяне не доверяли чиновникам, как и прочим «сурдутовцам» (пол. *surdutowscy* — представители привилегированных классов, одевавшиеся в сюртуки)⁹.

Канцлер Клеменс фон Меттерних в депешах австрийскому послу в Париже Антону Аппоньи, предназначенных для объяснения французскому правительству целей австрийской политики в Галиции и Кракове, назвал галицийские события «беспрецедентными» (фр. *sans précédent dans l'histoire*)¹⁰, но открыто выступил в защиту крестьян.

⁵ Wolff L. The Idea of Galicia. History and fantasy in Habsburg political culture. Stanford, 2010. P. 16. — В XVI–XVIII в шляхетской среде была популярна идея особого сарматского происхождения, отличающего их от славянского населения из низших слоев общества, в эпоху Просвещения понятие «сарматы» приобрело негативное значение и стало использоваться для обозначения специфического польского варварства (См., например: Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002).

⁶ Wolff L. The Idea of Galicia... P. 13–62.

⁷ Struve K. Bauern und Nation... S. 75.

⁸ Struve K. Bauern und Nation... S. 81.

⁹ Struve K. Bauern und Nation... S. 83.

¹⁰ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846 // Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich. T. VII. Paris, 1883. P. 197. — Анализ текстов К. Меттерниха см. также: Wolff L. The Idea of Galicia... P. 147–157.

Он отметил, что мятежников сокрушило не правительство, а само население края¹¹, после чего крестьяне, по его словам, «вернулись, как по волшебству, к своим мирным трудам»¹². Меттерних особо подчеркнул роль администрации округов (*нем.* Kreisämter) как непосредственных представителей власти императора, защищавших интересы низших слоев населения, и агентов цивилизации в варварском крае¹³. Польское восстание Меттерних назвал «коммунистическим заговором»¹⁴, и представил коммунизм как неотъемлемую часть польского характера и польского национального проекта: «Так как демократические идеи неприменимы к славянскому населению, такому как население Польши, эти идеи, выдвинутые частью эмиграции, неизбежно должны были обратиться в коммунизм, то есть в разграбление имущества и убийство собственников»¹⁵.

Такая позиция главы австрийского правительства вызвала негодование польской аристократии, лишь в небольшой степени поддержавшей восстание. В наиболее яркой форме оно было выражено в анонимной брошюре, опубликованной Александром Велепольским в Париже. Он указал на низкую степень поддержки повстанческого движения крупными землевладельцами¹⁶, и выдвинул обвинение австрийскому правительству, которое вместо арестов заговорщиков, как это делалось в Пруссии и России, вооружило крестьян. «Что вы делаете? ...Вместо того, чтобы управлять, вы сами устраиваете заговоры», — отмечалось с изданием¹⁷. Чиновников окружной администрации, превозносимых Меттернихом в качестве агентов цивилизации, Велепольский объявил коммунистами наряду с повстанцами: «Эмиссары коммунизма по своим принципам, начальники ваших округов, из ненависти к польскому имени и малодушия подтолкнули народ к пропасти, на край которой его поставило ваше законодательство»¹⁸.

Волна насилия, охватившая Западную Галицию в 1846 г., представляет собой конфликт и переплетение трех способов видения общественных отношений. Как крестьяне, так и большинство помещиков преимущественно руководствовались классовой логикой. Участники национального движения руководствовались логикой национализма. Не имея союзников, они открыто противопоставили себя трем державам, разделившим Речь Посполитую. Их попытка сыграть на классовых интересах как крестьян, так и помещиков не увенчалась успехом: им не удалось включить в борьбу за интересы польской нации ни большинство крупных землевладельцев, ни массу крестьян, для которых само имя поляков зачастую ассоциировалось с панским угнетением. По замечанию Меттерниха, польская эмиграция при подготовке восстания «взывала к чувствам, не существовавшим в народе, и вместе с тем принесла в жертву единственный класс, восприимчивый к этим [национальным] воззваниям»¹⁹.

¹¹ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 18 mars 1846 // *Mémoires, documents...* P. 201–202.

¹² Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846 // *Mémoires, documents...* P. 199.

¹³ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846... P. 198.

¹⁴ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 20 février 1846 // *Mémoires, documents...* P. 193.

¹⁵ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 20 février 1846... P. 194; *Wolff L.* The Idea of Galicia... P. 148

¹⁶ Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de Galicie adressée au Prince de Metternich. À l'occasion de sa dépêche circulaire du 7 mars 1846. Paris, 1846. P. 3.

¹⁷ Lettre d'un gentilhomme... P. 20.

¹⁸ Lettre d'un gentilhomme... P. 15.

¹⁹ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846 // *Mémoires, documents...* P. 199.

Меттерних и его чиновники в Галиции²⁰ руководствовались прежде всего логикой обеспечения имперской лояльности и управления империей. При этом для канцлера было важно учитывать различные виды общественного мышления. В депеше Аппоньи в Париж он пишет: «Я не из тех, господин посол, кто не считается с чувством национальности; я понимаю не одно только это чувство, но я его уважаю»²¹.

Программа действий Меттерниха в отношении Галиции, выработанная им по завершении восстания, предполагала ее разделение на две части по реке Сан с организацией отдельных администраций, усиление военного присутствия в этом пограничном с Россией регионе и усиление немецкого элемента в западной части Галиции. Он предлагал сделать столицей западной части не Краков, а Тешин в Силезии. Разделение Галиции Меттерних обосновывал различиями в населении двух ее частей: «Западный берег реки населен расой мазуров; восточный берег населяет раса русняков; обе разделены религией и обычаями»²².

Эта программа предполагала не только союз с крестьянами, но и проведение национальной политики: постепенную германизацию западной части Галиции и подчеркивание особой идентичности восточнославянского населения в ее восточной части, причем планировалось вывести крестьян из-под влияния польского национального движения вне зависимости от их вероисповедания и языка. Программа осталась на бумаге, так как во время революции 1848 г. Меттерних был вынужден подать в отставку. Однако к проекту разделения Галиции как к средству контроля польской шляхты венские власти неоднократно обращались на протяжении XIX в.²³

Во время революции 1848 г. в Галиции повсеместно чувствовался страх повторения опыта 1846 г. Деятели польского национального движения попытались привлечь на свою сторону крестьян. Центральный национальный совет (*пол.* Centralna Rada

²⁰ О позиции чиновников в Галиции см. воспоминания шефа полиции Л. Захер-Мазоха: *Polnische Revolutionen: Erinnerungen aus Galizien*. Prag, 1863. 386 S. — Также см. в: *Wolff L. The Idea of Galicia...* Pp. 173–183.

²¹ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846 // *Mémoires, documents...* P. 197.

²² *Reflexions aphoristiques* // *Mémoires, documents...* P. 213–215. — См. также: *Wolff L. The Idea of Galicia...* P. 152. — Л. Захер-Мазох непоследовательно определял польское крестьянское население Западной Галиции то как мазуров, то как поляков. См.: *Wolff L. The Idea of Galicia...* P. 175. — Русские реформаторы-славянофилы, работавшие в Царстве Польском в 1860-е годы, были склонны выделять этнографические группы польских крестьян. В частности, Ю. Ф. Самарин видел в Царстве Польском два «различных племенных типа»: «краковаков» или «кракусов» и «великополян» (Поездка по некоторым местностям Царства Польского в октябре 1863 года // *Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению, произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютинина*. Т. 1. С. 2, 12). Об этом см.: *Глембоцкий Х.* Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. Вып. 2. С. 150–151. — Однако, как в Галиции, так и в Царстве Польском этнографическое членение польского населения оставалось не более чем риторической формулой, не оказывавшей реального воздействия на политику, в отличие от категорий класса, нации, цивилизованности / варварства.

²³ *Миллер А. И.* Взаимоотношения польского и украинского населения в Галиции в 1860-е гг. // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 95.; Wolff L. The Idea of Galicia...* P. 152.

Narodowa) принял решение призвать помещиков безвозмездно отменить барщину на Пасху 23 апреля. Однако это решение обладало сомнительной легитимностью в глазах крестьян и помещиков и, вместе с тем, не вполне учитывало классовые интересы землевладельцев. Леон Жевуский и Адам Потоцкий, представители нового польского реформистского консерватизма, предлагали для решения этих проблем созвать шляхетский сословный сейм, который должен был принять решение об условиях освобождения крестьян. Однако их предложение было отвергнуто²⁴.

Новый наместник Галиции Франц Стадион еще 20 марта 1848 г. называл призыв к отмене барщины лозунгом людей, стремящихся к «разрушению и перевороту всех общественных устоев»²⁵. Он не только не стремился к повторению опыта 1846 г., нанесшего заметный ущерб репутации монархии Габсбургов, но, напротив, рассылал подвижные колонны для поддержания порядка в деревне²⁶. Однако, опасаясь, что шляхта все-таки сможет договориться об отмене барщины от своего имени, наместник изменил свою позицию. За день до Пасхи Стадион издал указ, освобождавший крестьян от барщины, чем обеспечил лояльность крестьян монархии. Примечательно, что обвинения правительства в коммунизме и в этот раз были слышны со стороны польских помещиков при дальнейшем обсуждении программы освобождения крестьян в Рейхсрате²⁷. Кроме того, в противовес полякам наместник оказывал поддержку заявившему о себе русинскому национальному движению. Игра на противоречиях этих этнических, сословных и религиозных групп останется одной из основ власти Габсбургов в Галиции до конца существования империи.

Ситуация мобилизации крестьян на борьбу против национального движения повторилась в Венгрии в 1848–1849 гг. Отмена барщины и наделение крестьян землей революционным венгерским правительством весной 1848 г. не помешали Вене использовать традиционный лоялизм, националистическую, религиозную и классовую мобилизацию, чтобы привлечь на свою сторону хорватов, сербов, словаков и румын. Размышляя об итогах крестьянских волнений в Галиции, Меттерних допускал повторение ситуации в этой части империи: «Пример справедливости, которую последний [народ Галиции] совершил со своими искусителями, с легкостью мог бы повториться в Венгрии обращением против высших классов»²⁸.

Это замечание оказалось в наибольшей степени справедливо в отношении румынских крестьян. В отличие от остальных малых народов Венгерского королевства, их мобилизация не была в своей основе националистической, и помимо чувства лояльности монарху апеллировала к классовой и конфессиональной логике. Так, православный епископ Арада объяснял крестьянам, что от повинностей их освободил император, а не венгерское правительство. В сентябре 1848 г. появление венгерских офицеров для набора рекрутов вызвало волнения среди румынских крестьян из-за того, что на привезенных ими документах венгерского правительства не было императорской подписи

²⁴ *Миллер А. И.* У истоков реформистского консерватизма. Социальные взгляды Леона Жевуского // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 72–74.

²⁵ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // *Przegląd Historyczny*. 38. 1948. S. 87.

²⁶ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 76.

²⁷ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 113, 116.

²⁸ Metternich à Apponyi, à Paris. Vienne, le 7 mars 1846 // *Mémoires, documents...* P. 200.

и двуглавого орла²⁹. Когда в октябре 1848 г. в Трансильвании началась резня венгерского населения, Вена сначала тайно, а затем открыто поддержала движение румынских крестьян³⁰. Многократные случаи массовых убийств, имевшие место со всех сторон конфликта, было невозможно быстро прекратить в условиях гражданской войны. На этот раз они привели к значительно большему количеству жертв, чем было в Галиции. Союз монархии с крестьянами и националистами малых народов Венгрии оказался недостаточным, чтобы сломить сопротивление венгров — Венгерская революция была подавлена в результате интервенции русской армии летом 1849 года.

Восстание 1863–1864 годов

В условиях роста напряженности в Царстве Польском как власти, так и участники повстанческого движения при оценке возможных сценариев развития событий в заметной степени опирались на галицийский опыт 1846 и 1848 гг. Тем не менее, нельзя сказать, что ситуация борьбы за лояльность крестьян не имела прецедентов в Российской империи.

В ходе предыдущего польского восстания, в феврале 1831 г., Мауриций Мохнацкий, представитель радикального крыла и один из основателей «Патриотического общества», опубликовал известную статью «Почему не восстают массы?». Отметив безразличие польских крестьян к национальному делу, Мохнацкий обратился к повстанческим властям с призывом: «Перестаньте же упорствовать в том ошибочном понимании, что одним восстанием вы спасете страну, нужна социальная революция, необходимо использовать для спасения гибнущей родины те средства, какие дает социальная революция»³¹. Лозунги консервативно настроенных в социальном отношении повстанческих властей вызвали исключительно к национальному, гражданскому, чувству, которое было ограничено социальными барьерами. Мохнацкий же призывал пожертвовать классовыми интересами землевладельцев ради включения крестьян в националистический дискурс восстания — то есть подчинить *классовую* логику логике *националистической*.

Несмотря на давление «Патриотического общества», повстанческие власти в Царстве Польском не решились на объявление крестьянской реформы. Однако прокламации с обещанием равноправия и наделения земель распространялись на литовском языке на населенных этническими литовцами территориях Северо-Западного края, что привлекло в ряды восставших некоторое количество литовских крестьян. Отчасти подтвердились и опасения польской аристократии: в Литве весной 1831 г. было совершено несколько нападений восставших крестьян на помещичьи хозяйства, сопровождавшиеся расправами над их владельцами³².

Весной 1846 г. в Царстве Польском имели место отдельные случаи арестов и выдачи повстанцев крестьянами³³. Однако общее спокойствие сельского населения на фоне

²⁹ Evans R. J. W. *Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867*. Oxford, 2006. P. 167.

³⁰ Gerő A. *Modern hungarian society in the making: The unfinished experience*. Budapest, London, New York, 1997. P. 101–102.

³¹ Mochnacki M. *Czemu massy nie powstają? // Dzieła Maurycego Mochnackiego*. T. IV. Pisma rozmaite. Poznań, 1863. S. 37–38.

³² Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 99–100.

³³ Официальная газета Царства Польского. 1846. 15 (27) февраля. № 45. С. 299–300; 1846. 21 февраля (5 марта). № 50. С. 335–337.

произошедшей в соседней Галиции резни помещиков было обеспечено во многом благодаря изданию 26 мая (7 июня) 1846 г. первого из ряда указов, несколько облегчивших положение крестьян. Указ запрещал отъем наделов у крестьян, чьи участки составляли не менее 3 моргов ($\approx 1,68$ га) земли³⁴. Как и иозефинские реформы в Галиции, указ 1846 г. не изменил кардинальным образом отношения между крестьянами и помещиками, но создал прецедент, который позволил крестьянам ждать дальнейшего улучшения своей жизни от царя.

В номере за 7 июля 1862 г. подпольной газеты «Рух» (*pol. ruch* — «движение»), органа Центрального национального комитета, отмечалось: «Отсутствие гармонии между стремлениями политическими и общественными (социальными) в Царстве Польском дает русскому правительству возможность склонить на свою сторону крестьян и держать в страхе помещиков под опасением социального взрыва»³⁵. Центральный комитет повстанцев пытался соединить национальные интересы, как их понимали восставшие, и сословные интересы крестьян. Для этого предлагалось убеждать земледельцев, что «окончательного надела земель в собственность и всего счастья они должны ожидать от будущего польского правительства по изгнании москалей и немцев». Цель этой агитации была в том, чтобы, принимая собственность, крестьяне «соединились с остальными классами народа против общего врага» и «возымели основания взяться сами за оружие»³⁶. В отличие от организаторов восстания в Галиции, Центральный комитет заранее начал агитацию среди крестьян. В 1861 и 1862 гг. были отмечены как случаи участия крестьян в патриотических манифестациях, так и случаи выдачи крестьянами повстанческих активистов властям³⁷.

Аристократическое крыло польского национального движения («белые») с конца 1850-х годов вело переговоры с Петербургом по крестьянскому вопросу. В 1858 г. с позволения императора в Варшаве действовало Земледельческое общество, возглавляемое графом Анджеем Замойским. В спорах о путях решения аграрного вопроса, которые велись в Земледельческом обществе в 1860 г., Замойский занимал консервативную позицию. Он настаивал на сохранении крупного землевладения по английской модели и предлагал предоставить крестьянам землю на условиях долгосрочной аренды.

Однако под давлением «красных» в Земледельческом обществе и начавшихся уличных протестов в Варшаве 24 февраля 1861 г. Земледельческим обществом была сформулирована программа наделения крестьян землей. В ней предполагалось завершить очиншивание крестьян все тем же путем добровольных соглашений между землевладельцами и крестьянами, и затем передать в собственность крестьян занимаемые ими наделы «посредством надлежащим образом придуманной кредитной операции, имеющей целью выкуп чиншей». Об этом проекте сообщалось в объявлении, распро-

³⁴ Записка действ. члена Русского географического об-ва М. И. Венюкова «Заметки о современном положении крестьян в Польше». Сентябрь 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 671. Л. 7 об.

³⁵ Дополнительные сведения о действиях польских мятежников в отношении к крестьянам // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 1. — Эта записка была отредактирована Н. А. Милутиным и опубликована в сокращенном виде: Дополнительные сведения о действиях польских мятежников в отношении к крестьянам // Исследования в Царстве Польском... Т. 1. С. 1–17.

³⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 27 об. — 28 об.

³⁷ Там же. Л. 24–26 об.

страненном 20 марта 1861 г.³⁸ Кредитная операция разрабатывалась Земским кредитным обществом, также возглавляемым графом Замоиским. Однако изменение позиции Замоиского, вызванное демонстрациями в Варшаве, и попытки добиться от Петербурга присоединения Западного края к Царству Польскому³⁹ сделали сотрудничество с графом неприемлемым для российских властей.

Разработка и осуществление реформ были поручены главному конкуренту Замоиского — А. Велепольскому. Имея за плечами галицийский опыт, тот занял непримиримую позицию по отношению к повстанческому движению. Польское общество было исключено из процесса разработки и обсуждения реформ, а неудачная попытка Велепольского задуть восстание в зародыше, включив в списки рекрутов в январе 1863 г. 12 тысяч подозреваемых в принадлежности к подпольным организациям, спровоцировала начало выступления 10 (22) января.

В первый день восстания Центральный комитет издал манифест и декреты об освобождении крестьян с землей и наделении безземельных крестьян, которые примут участие в восстании, земельными участками. Компенсация помещикам должна была быть выплачена будущим правительством. Тем самым не были учтены интересы помещиков, которые еще во время событий 1861–1862 гг. жаловались на задуманный красными «социальный переворот»⁴⁰. После начала восстания отмечались многочисленные случаи саботажа помещиками реализации декретов об освобождении крестьян. В то же время привлечь крестьян на свою сторону в достаточном количестве также не удалось. В течение месяца с начала восстания было отмечено много случаев сопротивления, оказанного повстанцам польскими крестьянами. С помощью жестких действий карательных отрядов повстанческого Национального правительства (*пол.* Rząd Narodowy) крестьянские волнения были подавлены.

Повстанцам все же удалось собрать некоторое количество отрядов из крестьян. Однако русские военные указывали на легкость, с которой они обращались в бегство в сравнении с отрядами из горожан, сообщения о храбрости и высоких боевых качествах которых попадали в отчеты и официальные донесения⁴¹. В письме, перехваченном в Дрездене сотрудниками III отделения, один из участников повстанческого движения назвал главной причиной поражения восстания отказ крупных землевладельцев его поддерживать:

«Основанием всего движения служат деньги. Их нам предоставляли землевладельцы (которых мы нарекли предателями, потому что они не хотели бездумно участвовать в восстании; и, ей-Богу, их практический дух оказался вернее нашего); они были настоящей базой организации, но платили налог лишь до тех пор, пока видели какую-то надежду на победу, если не путем вооруженной борьбы (во что они не верили никогда), то политическими средствами; когда они разочаровались в обеих возможностях, у них больше не было причин бросать свои деньги на ветер, и организация, лишенная жизненных соков, должна была пасть»⁴².

³⁸ Объявление от Агрономического общества в Царстве Польском (перевод с польского) // Исследования в Царстве Польском... Т. 1. С. 1.

³⁹ Западные окраины... С. 144.

⁴⁰ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 28.

⁴¹ Там же. Л. 39.

⁴² Lettre interceptée à Dresde. François Dolega. Cracovie, le 7 Juin 1864. Traduction du polonais // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 580. Л. 3.

В выписке из другого письма, написанного неизвестным русским чиновником из Северо-Западного края, поражение восстания, напротив, в первую очередь связывается с крестьянским вопросом:

«Бывшее восстание не удалось по совершенному равнодушию к нему сельского населения, поляки успели так озлобить против себя мужиков, которые с радостью составляли сельские караулы и ловили мятежников, тем более что правительство за это платило»⁴³.

Эти примеры показывают не только то, как повстанцам не удалось учесть классовые интересы крестьян и помещиков, но и то, как отличались действия российских властей в отношении конфликтов крестьян с помещиками во время восстания в Западных губерниях и Царстве Польском.

Как отмечают М. Д. Долбилов и А. И. Миллер, в Северо-Западном крае власти начали смотреть на противостояние крестьян и помещиков в националистическом ключе в апреле 1863 г., когда крестьянами-староверами в Динабургском уезде Витебской губернии был разгромлен и выдан властям отряд Л. Плалера⁴⁴. Современники противопоставляли активное сопротивление польским повстанцам «единоверных поселян» в Западных губерниях, начавшееся после назначения виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьева, издания дополнительных указов, изменявших отношения освобожденных в 1861 г. крестьян с помещиками, и учреждения там сельских караулов, и пассивность польских крестьян в Царстве⁴⁵.

В Радомской губернии в феврале 1863 г. из страха повторения галицийской резни по приказу гражданского губернатора А. Островского, поляка по происхождению, были подавлены волнения крестьян, и освобождены 100 шляхтичей, задержанных ими по подозрению в участии в восстании. Некий штабс-капитан Белинский, составивший в январе 1864 г. для наместника в Царстве Польском Ф. Ф. Берга записку о действиях польских мятежников в отношении крестьян, отметил, что в этом и в других аналогичных случаях в Царстве «разные современные обстоятельства помешали воспользоваться вовремя крестьянским движением»⁴⁶. Хотя националистически настроенные русские чиновники обвиняли губернатора в неблагонадежности, здесь он скорее руководствовался сословными представлениями об общественном порядке, нежели националистической логикой. В последующие месяцы, по показаниям командующих подвижными колоннами, крестьяне перестали оказывать сопротивление повстанцам и сотрудничать с русскими военными из страха перед повстанческим террором⁴⁷.

Крупнейшим результатом политики империи в отношении польского крестьянства стала осуществленная Н. А. Милютиным реформа 19 февраля (2 марта) 1864 г. В документах, предоставляемых Милютину для подготовки реформы в сентябре 1863 – январе

⁴³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 434. Л. 17 об. – 18.

⁴⁴ Западные окраины. С. 228.

⁴⁵ Записка генерал-майора И. П. Липранди «Несколько слов о прошедшем, настоящем и будущем мятежного края» (1864. Февраль) с сопроводительным письмом от 25 марта 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 566. Л. 28.

⁴⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 33 об. – 35. — Авторство записки установлено по: Teodor Berg do Dymitra Milutina. Warszawa 15/27 I 1864 // Переписка наместников Королевства Польского: Август 1863 – май 1864. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. С. 184.

⁴⁷ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 37–38.

1864 г., высказывались предположения о возможности отторжения крестьян от высших сословий посредством учреждения сельского управления «на правилах, изданных для великороссийских губерний»⁴⁸, и предложения вести пропаганду союза империи и крестьян среди солдат⁴⁹. В анонимной записке, составленной 10 (22) августа для представления шефу жандармов А. Л. Потапову, необходимость лишения помещиков полицейско-судебной власти над крестьянами была мотивирована успешным опытом использования конфликтов между крестьянами и помещиками в Галиции в 1846 и 1848 гг. В тексте содержится указание на возможность впоследствии привлекать крестьян к борьбе против шляхты: «И [по проведении гминной реформы] на случай войны мы будем сильнее в Царстве Польском, ибо поселяне ненавидят шляхту»⁵⁰.

Сам Милютин не был сторонником провокации крестьян к волнениям, и по этому поводу высказался во всеподданнейшем докладе от 3 (15) июля 1864 г. По его словам, крестьяне и так готовы к резне помещиков, однако русская армия должна предотвращать неконтролируемое насилие, а повторение галицийских междоусобий в малых масштабах было бы даже выгодно для шляхетской партии. С одной стороны, последовавшее за ним наказание виновных стало бы «удобным поводом для смущения народа невыгодным для правительства толкованием репрессивных мер», а с другой, оно было бы «предлогом для всевозможной клеветы против правительства, которое нетрудно было бы опорочить в глазах поверхностных партизанов (сторонников. — В. К.) польского шляхетского сословия»⁵¹.

Указы 19 февраля противопоставляли интересы крестьян и помещиков. Во-первых, из-под контроля шляхты выводилась должность гминного войта (главы сельской общины). Во-вторых, крестьяне не только освобождались со всей землей, которой они обладали на момент провозглашения указа, но и получали право оспорить несправедливо отобранные у них с 1846 г. земли⁵². Важность этой функции указа накануне его публикации подчеркивал будущий виленский генерал-губернатор, К. П. Кауфман, считавший, что добиться нейтральности крестьян, как единственного класса, который можно использовать для «составления себе партии» в Царстве Польском, будет недостаточно. Цель политики в отношении крестьян во время восстания он видел в том, чтобы крестьяне «вооружились против революции» и «стали в наш лагерь», для чего он предложил дополнительно поощрять крестьян к доносам против помещиков⁵³.

⁴⁸ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 568. Л. 1. Записка неустановленного лица «Заметки по поводу событий в Западном крае» Петрозаводск, 10 августа 1863 г.

⁴⁹ Для крестьян понятие об нашем войске и об русском правительстве совершенно нераздельно, и потому полезно было бы особыми распоряжениями внушить солдатам, что крестьяне в Царстве только жертвы революционеров, что на них нужно смотреть, как на расположенное к нам сословие и, не делая им никаких обид, напротив стараться всеми средствами приласкать и склонить на свою сторону, что такое поведение войска будет считаться такой же заслугой перед Престолом и Отечеством, как и разбитие шаяк мятежников (весь текст зачеркнут Милютиным при редактировании) (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 569. Л. 42 об.).

⁵⁰ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 568. Л. 1.

⁵¹ Обзорение комиссий по крестьянским делам в Царстве Польском за первоначальный период их деятельности // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 22–23.

⁵² Dziennik Praw. Tom 62. Warszawa, 1864. S. 14–17; 36–93.

⁵³ Записка директора канцелярии Военного м-ва К. П. Кауфмана о русской политике в Польше после восстания 1863 г. 17 (29) февраля 1864 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 567. Л. 1–7.

Сам Милютин особо выделял важность сохранения контроля над гминным управлением. Он указывал, ссылаясь на членов крестьянских комиссий:

«При некоторых преобразованиях в администрации и при самом незначительном числе войск (преимущественно в видах охранения полицейского порядка), никакое восстание немислимо до тех пор, пока изданный закон о гминах будет тщательно предохраняем от искажений и пока правительство будет спокойно опираться на сельское население»⁵⁴.

Спокойствие правительства, по мысли реформатора, должно было обеспечить то, что на первых выборах весной 1864 г. из около трех тысяч гмин лишь примерно в сорока случаях крестьяне сохранили прежнего войта из помещиков и их служащих, а не выбрали нового из своей среды⁵⁵.

Ключевая роль в осуществлении плана Милютина по трансформации идентичности польских крестьян отводилась крестьянским комиссиям, набранным из русских чиновников и офицеров войск, расквартированных в Царстве. Особое внимание в первые месяцы работы комиссий Милютин уделял их представлению крестьянам. Члены комиссий должны были общаться с крестьянами по-польски. Милютин с особым удовлетворением отмечал: «Не совсем чистый, а иногда и совершенно плохой, ломаный польский язык, которым говорили члены комиссий, независимо от содержания речи, производил хорошее впечатление: и содержание, и самые звуки были новы, были чужды тому, что народ уже слышал и от повстанцев, и от своих помещиков и чиновников»⁵⁶. Милютин, как и австрийские чиновники в Галиции, использовал тот факт, что крестьяне зачастую не только не имели польской идентичности, но и связывали этноним «поляки» исключительно с высшими сословиями:

«Замечательно, что у народа (как свидетельствуют все комиссии) повстанцы и предводители шаек, жандармы-вешатели и простые разбойники, до сих пор бродящие в некоторых местах, а также чиновники, помещики, шляхтичи — все называются *поляками*. И не только на словах, но на самом деле всеми чувствами своими народ очевидно отшатнулся совершенно от того, что считалось и называлось *Польшей*»⁵⁷.

Важнейшей целью политики Милютина по отношению к польским крестьянам, эксплицитно выраженной в докладе для Александра II, было формирование новой польской нации, которая была бы лояльна царю и враждебна ненавистной ему старой «шляхетско-католической» нации:

«Помещики, как светские, так и духовные, чувствуют, что у них выпадает из рук влияние на крестьян; что большинство нации, до сих пор еще не жившее политически, начинает жить, что рядом с шляхетской, немалочисленной нацией возникает *нация другая*, у которой может образоваться *иная, неприятная для шляхты политическая вера*»⁵⁸.

В отличие от набросков Меттерниха, эта программа стала основой для действительной политики трансформации идентичностей, осуществлявшейся по крайней мере до конца 1860-х годов. Вопрос о причинах неуспешности полной трансформации польской

⁵⁴ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 28. Л. 6 об. — 7.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Там же. Л. 19.

⁵⁷ Там же. Л. 18.

⁵⁸ Там же. Л. 21.

национальной идентичности в крестьянской среде выходит за рамки этого исследования и подразумевает необходимость рассмотреть большее количество факторов: от «межпартийной» борьбы в органах центральной и местной власти до внутренних противоречий, скрывавшихся в планах и намерениях реформаторов. Совпадение подходов в данном случае показывает, как имперская логика срабатывала схожим образом в схожих обстоятельствах двух империй.

* * *

Переданное в начале текста замечание польского историка о необычном характере программы реформ Милютина представляется справедливым с поправкой, что при более внимательном рассмотрении и политику Габсбургов в отношении крестьян нельзя упрощать. Ситуативный союз империи и крестьян в 1846 г. опирался на 70-летнюю практику патерналистской в отношении крестьян и экзотизирующей в отношении всего края дискурсивной политики. Союз монархии с крестьянами разных языков и исповеданий в Венгрии в 1848–1849 гг. также представляется сложной политической игрой с сочетаниями традиционной лояльности и различных конфессиональных, национальных и классовых интересов.

Попытки связать политику союза с крестьянами с преобладанием классовой логики в умах реформаторов делались уже современниками. Обвинения в коммунизме, революции и социальном перевороте сыпались и в адрес австрийских чиновников. Не совсем верным представляется и мысль о сугубо националистическом характере такой политики. Безусловно, политика Милютина в отношении польских крестьян демонстрирует много признаков национальной политики. Однако в конечном счете она видится нацеленной не столько на включение польских крестьян в жизнь общей политической нации, сколько на их воспитание в духе лояльности⁵⁹, которая в значительной степени связана с фигурой царя. В этом смысле проект Милютина в определенной степени повторяет политику воспитания «верных кайзеру» групп населения в австрийской Галиции.

Информация о статье

Статья написана в рамках гранта РНФ, проект № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

Автор: Кретов, Владислав Александрович — аспирант, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; Orc ID 0009-0005-9629-4545, Researcher ID IWL-9447-2023, SPIN-code 9403-6449; e-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

Заголовок: Имперские власти и польские повстанцы в борьбе за лояльность крестьян в Австрии и России в XIX веке

Резюме: В статье рассматривается политика австрийских властей в Галиции в 1846 и 1848 гг. и российских властей в Царстве Польском в 1863–1864 гг. по использованию крестьянской лояльности в борьбе с польским повстанческим движением. В 1846 г. австрийские власти подавили начавшееся восстание в Западной Галиции, спровоцировав польских крестьян на резню помещиков. В 1848 г. польская аристократия бросила вызов Вене, попытавшись самостоятельно отменить барщину, однако наместнику Ф. Стадиону удалось повернуть ситуацию в свою пользу более ранним изданием указа об отмене повинностей. Противостояние имперских властей и польских повстанцев в борьбе за лояльность крестьян повторилось в Царстве Польском в начале 1860-х годов. Российским властям также удалось обеспечить лояльность крестьян с помощью крестьянской реформы 19 февраля (2 марта)

⁵⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического. М., 2006. С. 89.

1864 г. В то время как дискурсивная политика Вены в отношении галицийских крестьян сравнительно хорошо изучена в историографии, о политике в крестьянском вопросе в Царстве Польском, которая проводилась в 1864–1866 гг. под руководством Н. А. Милютин, единого мнения нет. Для выяснения действительного характера этой политики в статье проведен сравнительный анализ процессов осмысления и инструментализации крестьянской лояльности в двух империях. Особое внимание уделяется трансферу австрийского опыта российскими властями в Царстве Польском в этот период.

Ключевые слова: Польское восстание 1863–1864 гг., Галицийская резня, Н. А. Милютин, К. Меттерних, империя, крестьянский вопрос

Литература, использованная в статье:

Глембоцкий, Хенрик. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. Вып. 2. С. 135–166.

Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Лескинен, Мария Войттовна. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. Москва: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Миллер, Алексей Ильич. Взаимоотношения польского и украинского населения в Галиции в 1860-е гг. // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в.* Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 90–98.

Миллер, Алексей Ильич. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Миллер, Алексей Ильич. У истоков реформистского консерватизма: Социальные взгляды Леона Жевуского // *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (Конец XVIII – 70-е годы XIX в.).* Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 70–88.

Evans, Robert John Weston. Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867. Oxford: Oxford University Press, 2006. 337, xix p.

Gerő, András. Modern Hungarian society in the making: The unfinished experience. Budapest; London; New York: Central European University Press, 1997. 276, xii p.

Głębocki, Henryk. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. 582 s.

Jedlicki, Jerzy. Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. 414 s.

Kucharzewski, Jan. Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk: Tower Press, 2000. 325 s.

Struve, Kai. Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert.

Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 485 S.

Wolff, Larry. The Idea of Galicia. History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486, xi p.

Information about the article

The article is written within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00520 «Beyond Colonialism and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – early 20th century)».

Author: Kretov, Vladislav Aleksandrovich — Postgraduate Student, History Department, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; Orc ID 0009-0005-9629-4545, Researcher ID IWL-9447-2023, SPIN-code 9403-6449; e-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

Title: Imperial authorities and Polish rebels in the struggle for the loyalty of the peasants in Austria and Russia in the 19th century

Summary: The article examines the policy of the Austrian authorities in Galicia and the Russian authorities in the Kingdom of Poland in 1863–1864 on the use of peasant loyalty against the Polish insurgents. In 1846, the Austrian authorities suppressed the uprising that had begun in Western Galicia by provoking Polish peasants to massacre the landlords. In 1848, the Polish aristocracy challenged Vienna, trying to abolish the corvée on their own, but the governor F. Stadion managed to turn the situation in his favor by issuing an earlier decree on the abolition of duties. The situation of the struggle between the imperial authorities and the Polish rebels for peasant loyalty was repeated in the Kingdom of Poland in the early 1860s. The Russian authorities managed to ensure the loyalty of the peasants as well with the help of the peasant reform of February 19 (March 2), 1864. While the discursive policy of Vienna towards the Galician peasants is relatively well studied in historiography, there is no consensus on the policy on the peasant question in the Kingdom of

Poland, which was carried out in 1864–1866 by N. A. Milyutin. To clarify the actual nature of this policy, it is necessary to consider similar processes of understanding and instrumentalization of peasant loyalty in the two empires. Particular attention is paid to the transfer of the Austrian experience by the Russian authorities in the Kingdom of Poland during this period.

Keywords: Polish Uprising of 1863–1864, Galician slaughter, N. A. Milyutin, K. Metternich, empire, loyalty, peasant question

References:

- Dolbilov, Mikhail Dmitriyevich, Miller, Alexei Ilyich (Ed.). *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western borderlands of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 608 p. (in Russian).
- Evans, Robert John Weston. *Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 337, xix p.
- Gerő, András. *Modern Hungarian society in the making: The unfinished experience*. Budapest; London; New York: Central European University Press, 1997. 276, xii p.
- Głębocki, Henryk. Aleksandr Gil'ferding i slavyanofil'skie proekty izmeneniya natsional'no-kul'turnoy identichnosti na zapadnykh okrainakh Rossiyskoy imperii [Alexander Hilferding and Slavophile projects for changing the national and cultural identity in the western borderlands of the Russian Empire], in *Ab Imperio*. 2005. Vol. 2. Pp. 135–166. (in Russian).
- Głębocki, Henryk. *Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)* [A disastrous matter. The Polish question in the Russian political thought (1856–1866)]. Kraków: Arcana Publ., 2000. 582 p. (in Polish).
- Jedlicki, Jerzy. *Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w.* [Failed attempt at capitalist industrialization: Analysis of a state-owned industrial farm in the Kingdom of Poland in the 19th century]. Warszawa: Książka i Wiedza Publ., 1964. 414 p. (in Polish).
- Kucharzewski, Jan. *Od białego do czerwonego caratu* [From the white to the red tsarism]. Gdańsk: Tower Press, 2000. 325 p. (in Polish).
- Leskinen, Mariya Voytovna. *Mify i obrazy sarmatizma: Istoki nacional'noy ideologii Rechi Pospolitoj* [Myths and images of Sarmatism: The Origins of the National Ideology of the Polish Commonwealth]. Moscow: Institut slavyanovedeniya of the Russian Academy of Sciences Press, 2002. 178 p. (in Russian).
- Miller, Alexei Ilyich. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 248 p. (in Russian).
- Miller, Alexei Ilyich. U istokov reformistskogo konservatizma: Sotsial'nye vzglyady Leona Zhevuskogo [At the origins of reformist conservatism: Social views of Leon Rzewuski], in *Iz istorii obshchestvennoy mysli narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy (Konets XVIII – 70-e gody XIX v.)* [From the history of social thought of the peoples of Central and Eastern Europe (Late 18th – 70^s of the 19th century)]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. Pp. 70–88. (in Russian).
- Miller, Alexei Ilyich. Vzaimootnosheniya pol'skogo i ukrainskogo naseleniya v Galitsii v 1860-e gg. [Relations between the Polish and Ukrainian population in Galicia in the 1860s], in *Natsiya i natsional'niy vopros v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Nation and the national question in the countries of Central and South-Eastern Europe in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1991. Pp. 90–98. (in Russian).
- Struve, Kai. *Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert* [Peasant and nation in Galicia. On belonging and social emancipation in the 19th century]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2005. 485 p. (in German).
- Wolff, Larry. *The Idea of Galicia: History and fantasy in Habsburg political culture*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486, xi p.